

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080014277-1

НЕ ТЩЕТНАЯ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ:
РОССИЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ И ВОПРОС ОБ ИМУЩЕСТВЕ
ПОРТУГАЛЬСКОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ В XIX В.

© 2021

Т.Ю. ФЕКЛОВА ^а

^а – Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0001-8446-4192; tat-feklova@yandex.ru

Резюме: Проповедь христианства в его западноевропейском варианте началась в Китае в XVI в., когда в страну начинают проникать многочисленные миссионеры. Изоляционистская политика Китая, особенно усиливавшаяся в начале XIX в., привела к закрытию всех христианских миссий в Китае. Единственным исключением стала Российская Духовная миссия (РДМ). Данная ситуация привела к тому, что на территории Китая и, в частности, в Пекине, осталось многочисленное имущество европейских миссий. Впервые на основе анализа ранее неиспользованных архивных источников из Российского государственного исторического архива, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и Санкт-Петербургского филиала архива Академии наук в статье подробно рассматривается история имущества португальской миссии, переданной РДМ. Новизной аналитического подхода, примененного в статье, является то, что показан не просто факт передачи имущества, но отношение государственных учреждений Российской империи к этой ситуации в условиях обострившегося кризиса между Китаем и Англией, впоследствии перешедшего в войну, и опасений, что неоправданные риски Духовной миссии приведут к ее закрытию. Автором статьи была поставлена задача показать, как в условиях войны и подозрений со стороны официальных китайских властей миссия, совместно с государственными институтами России, находила пути выхода из сложных ситуаций для обеспечения необходимого присутствия России (в виде РДМ) в Дальневосточном регионе. В отсутствие официальных учреждений России в Китае, дипломатических организаций, торговых и военных представительств миссия с успехом их заменяла. В качестве методологии автором были применены методы архивной эвристики, а также проблемно-хронологический метод, согласно которому описание событий осуществлялось во временной последовательности.

Ключевые слова: Российская Духовная миссия, Азиатский департамент, португальская миссия, Пекин.

Для цитирования: Феклова Т.Ю. Не тщетная предосторожность: Российская духовная миссия и вопрос об имуществе португальской миссии в Пекине в XIX в. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 170–179. DOI: 10.31857/S086919080014277-1

NOT A VAIN PRECAUTION: THE RUSSIAN ORTHODOX MISSION AND THE QUESTION OF THE PROPERTY OF THE PORTUGUESE MISSION IN BEIJING IN THE 19TH CENTURY

© 2021

Tatiana Yu. FEKLOVA^a

^a – Saint Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology of the RAS, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0001-8446-4192; tat-feklova@yandex.ru

Abstract: *The Catholic Christianity began its history in China in the 16th century, when the numerous missionaries infiltrated to the country. China's isolationist policy was especially intensified in the early 19th century. This policy led to the shutdown of all the Christian missions in China. There was the only one exception – the Russian Orthodox mission (ROM). After the closing of almost all foreign missions in China and in Beijing, numerous properties of European missions still remained in China. The author introduces the results of analysis of the numerous archival sources from the Russian State Historical Archive, the National Library of Russia, the Saint Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. The article attempts to contribute to the debates upon the history of the cooperation between the ROM and Catholic missions. The article bases on the analysis of the history of the Portuguese mission property's transfer to the Orthodox mission. The work moves beyond the examination the only history of transferring but shows the interaction between the ROM and the Russian state officialities. The situation was shown in the context of the aggravated crisis between China and Britain, which later turned into a war. The main aim of the article was to show how in this situation the ROM and the Asian department of the Ministry of Foreign Affairs tried to find the solution. The author used both the methods of archival heuristics and problem-chronological method, according to which the description of events was carried out in a time sequence.*

Keywords: Russian Orthodox mission, Asian department of the Ministry of Foreign Affairs, Portuguese mission, Beijing.

For citation: Feklova T.Yu. Not a Vain Precaution: the Russian Orthodox Mission and the Question of the Property of the Portuguese Mission in Beijing in the 19th Century. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 2. Pp. 170–179. DOI: 10.31857/S086919080014277-1

В XV и XVI в. для Европы расширились горизонты познанного мира. Одновременно с завоевателями и торговцами в дальние страны отправлялись миссионеры для проповеди христианской веры. Миссионерство особенно активизировалось в XVI–XVII в., когда в другие земли, в том числе и в Китай, стали прибывать священники для обращения местного населения в христианство. XV и XVI вв. – время расцвета испанской и португальской колониальной системы, и проповедь христианства была важным этапом в системе подчинения зависимых государств. Первые португальские корабли появились около китайского города Гуанчжоу уже в 1515 г., и с середины XVI в. португальские миссионеры начали активную проповедь христианства в Китае.

Российская духовная миссия, согласно инструкциям Азиатского департамента Министерства иностранных дел, не проводила активную линию христианизации населения и старалась не вмешиваться во внешнюю и внутреннюю политику Китая. Китайское пра-

вительство неоднократно предлагало представителям Российской Духовной миссии занять те ученые должности, которые обыкновенно занимали иезуиты, в частности, должность астрономов, физиков, математиков, механиков, музыкантов, докторов и т.п. Однако, несмотря на возможные дальнейшие выгоды, сотрудники РДМ соглашались работать только наставниками по преподаванию русского языка в русско-маньчжурской школе, основанной в 1758 г., а также исполнять обязанности переводчиков дипломатических бумаг в пекинском Трибунале внешних сношений (Лифаньюань) [*РНБ ОР*, ф. 1457, оп. 1, д. 228, л. 23]. Чаще всего на эту службу отправлялись студенты миссии, хорошо владевшие китайским и маньчжурским языками. Работа в такой дипломатической организации помогала миссии заводить знакомства с представителями региональной знати, так как Лифаньюань ведал в основном отношениями с подконтрольными монгольскими территориями и Тибетом [*РНБ ОР*, ф. 1457, оп. 1, д. 31, л. 150б.].

В 1811 г. указом императора Цзяцина в Китае все католические миссии были объявлены вне закона [Дацышен, 2007, с. 43; *РНБ ОР*, ф. 1457, д. 52, л. 1]. Китайское правительство, обеспокоенное возросшим влиянием иезуитов на внутреннюю и внешнюю политику государства [Elman, 2005; Мароши, 2015, с. 53], издало декрет о высылке всех миссионеров, не состоящих на официальной службе. Таким образом, согласно записям Е.Ф. Тимковского, пристава 10-й миссии (1820–1830), в Китае оставались только иезуиты, занимавшиеся астрономией для нужд китайского двора [Тимковский, 1824, с. 57]. Санкт-Петербургская Императорская Академия наук, стремясь воспользоваться случаем (возможным изгнанием иезуитов-астрономов из Китая), ещё в 1819 г. обратилась к императору Александру I с просьбой организовать на территории РДМ астрономическую обсерваторию с тем, чтобы русские ученые впоследствии заняли место иезуитов [*РГИА*, ф. 733, оп. 12, 1839–1840 гг., д. 517]. Однако проект был отклонен в связи с территориальной удаленностью Китая и большими финансовыми затратами.

Политическая ситуация в Китае вынуждала католических миссионеров либо уезжать из Китая, либо проживать на территории страны тайно. Для сотрудников Российской Духовной миссии в инструкциях, письмах и приказах как личного характера, так и от директоров и начальников государственных учреждений Российской империи, отправляемых в Российскую Духовную миссию, постоянно подчеркивалась необходимость быть осторожными и не навлекать на себя подозрение китайских властей. Данная рекомендация прослеживается в письмах и инструкциях, дававшихся отъезжающим в Китай: от начальников миссии до прикомандированных к ней студентов и ученых.

Так, в инструкции, данной начальнику 10-й миссии (1821–1830), архимандриту Петру, Азиатским департаментом Министерства Иностранных дел в 1818 г. в Китай, неоднократно подчеркивалось, что китайское правительство должно видеть в сотрудниках миссии не дипломатических агентов, а только «даламу» (данное написание приводится в тексте архивного источника), то есть священников: «Вам надлежит как в переписке с иркутским губернатором, даже и во всех сношениях с китайцами, наблюдать величайшую осторожность, удостоверяя при всяком случае, что Вы ограничиваетесь исполнением обязанностей священства, сверх того самые законы и обычаи китайцев воспрещают им связи с иностранцами, и Вам будет без сомнения весьма трудно даже завести знакомство с людьми, достойными уважения. Но может, однако ж, надеяться, что сохранением в Миссии отмененного порядка, столь уважаемого в Китае, благодарудием и кротостью, знаками терпеливости и снисхождения, оказанием возможных услуг и ласки, Вы сумеете обратить на себя выгодное внимание почтенных и знатных китайцев. Через сии связи и весьма осторожное знакомство с поселенными в Китае иезуитами, Вы можете собрать многие любопытные известия, как о государстве китайском вообще, так и о нынешнем его состоянии, в отношении политиче-

ском, торговом и нравственном, доводя всё сказанное выше, по возможности до сведения Иркутского губернатора» [*РНБ ОР*, ф. 1457, д. 31, л. 13об.–14].

Неоценимую помощь в составлении инструкций для миссии давали и люди, бывавшие в Китае или работающие там и, соответственно, знающие страну и ее обычаи изнутри. В частности, начальник Кяхтинской таможни, надворный советник П.Ф. Голяховский в своем письме в Министерство финансов от 22 мая 1819 г. указывал на то, как должна была вести себя миссия, чтобы завоевать доверие китайцев и тем самым обеспечить больше влияния в китайском правительстве: «В Китае надлежит вести себя чинно, не позоря звание русского. Некоторые из начальников миссии вели себя безобразно. Сим пользовались католические миссионеры и старались отклонять китайцев от приближения к нам.

Надо распространять слово Божие. Но осторожно, не насильственными мерами и не слишком распространять его среди китайцев.

Нам не надобно ставить в пример гонение, последовавшее на католических миссионеров; в сем случае не виною распространение слова Божия, а винить надобно некоторые не благоразумные их поступки и излишности, которые они себе позволили и которыми навели на себя большое подозрение в глазах китайского правительства. Они же сами, когда следовали правилам внушаемым благоприятиям никогда не встречали препятствия в сем деле со стороны китайского правительства. И так ежели наша миссия будет проповедовать слово Божие в прямом духе истинного христианства, сопровождаемое примерным поведением и по возможности помощью ближнему, тогда несомненно будут успехи ее, и она не встретит ни малейшего препятствия в сем подвиге» [*РНБ ОР*, ф. 1457, д. 34, л. 29–32].

Начальники и сотрудники миссии поддерживали обратную связь с официальными учреждениями российской империи, описывая реальные события, происходившие в столь удаленной и закрытой стране. Так, в письме начальника 10-й миссии архимандрита Петра от 28 февраля 1827 г., отправленного им в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, напрямую говорилось: «Римское миссионерство совсем уничтожено. Коллегии их и церкви разрушаются. К возобновлению нет надежды. Обширные их имения продаются, из коих, с дозволения здешнего правительства куплено и нами в казну ценою около 10 пудов серебра. Значительная библиотека с типографскими досками и другими вещами, по-доброму их (католиков) к нам расположению и дружбе подарены безденежно. Два их кладбища по связи христианства остаются под надзором Российской миссии» [*РНБ ОР*, ф. 1457, д. 52, л. 1].

Соблюдение осторожности касалось не только непосредственных сотрудников миссии, но и прикомандированных к ней ученых и студентов. В состав 12-й миссии РДМ (1840–1849 гг.) вошли официальный «агент» и корреспондент Императорской Академии наук В.П. Васильев [*РГИА*, ф. 733, оп. 95, д. 7–9, л. 4], студенты В.В. Горский (1819–1847), И.А. Гошкевич (1814–1875) и врач А.А. Татаринов (1817–1886). Примечательно, что в проекте рекомендательного листа от Правительствующего Сената России в Пекинский трибунал внешних сношений от 13 апреля 1841 г. Иосиф Гошкевич и Владимир Горский обозначены как церковнослужители, а Александр Татаринов, Василий Васильев, студенты миссии Иван Захаров и Кондратий Корсалин представлены как ученики маньчжурского и китайского языков [*РНБ ОР*, ф. 1457, д. 99, л. 1об.], что оберегало бы их от «разоблачения» китайцами и выдворения из страны.

5 марта 1840 г. министр народного просвещения С.С. Уваров сделал распоряжение в Главный цензурный комитет, согласно которому название «агент» или «корреспондент» Академии наук в целях предостережения не разглашалось и не печаталось ни в отчетах и актах Академии, ни в каких-либо иных документах, чтобы информация о присутствии «агента» в составе миссии не вызывала подозрений у китайцев [*РГИА*, ф. 777, оп. 1, д. 1531, л. 3].

Необходимо уточнить, что подобная осторожность РДМ была отнюдь не «тщетной», так как политика, проводимая Китаем, привела к тому, что оставшиеся немногочисленные европейские католические миссионеры были вынуждены скрываться, а любые контакты с ними были запрещены китайским правительством [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 6].

Российская Духовная миссия не только осталась фактически единственной официально действовавшей и не закрытой миссией иностранного государства в Китае, но и именно тогда, в обстановке всеобщей подозрительности, а также перед угрозой наметившейся войны между Китаем и Англией (Первая Опиумная война, 1840–1842 гг.) помогала другим христианским миссиям.

В 30-х гг. XIX в. Российская Духовная миссия столкнулась с неожиданной проблемой: на нее была возложена обязанность распоряжаться имуществом португальской миссии, оставшимся после смерти последнего португальского епископа Каэтана Пиреса Перейры в 1838 г. Во всех изученных нами источниках основное внимание исследователи обычно уделяли истории библиотеки португальской миссии [Лю, 2019, с. 140–151], однако, помимо библиотеки, от миссии оставалось и другое имущество, с которым что-то надо было делать. После запрещения католических миссий в Пекине к 1830 г. остался только португальский епископ Каэтан Перейра, который очень сблизился с руководителем 11-й миссии (1830–1840) отцом (о.) Вениамином (Морачевым) [Лапин, 2018, с. 866–874], которому и завещал распоряжаться имуществом миссии после своей смерти, справедливо полагая, что после этого оно может пропасть.

В это же время в самой Российской духовной миссии произошли изменения в составе руководства. О. Вениамин, по собственному заявлению, был уволен с поста руководителя миссии и вместо него ещё в 1835 г. был назначен о. Аввакум (Честной) [Архимандрит Аввакум, 2002, 2003], а о. Вениамин был оставлен в миссии в должности старшего священника. 12 мая 1839 г. о. Вениамин направил вице-директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел Л.Г. Сенявину письмо, в котором подробно извещал департамент о деле по имуществу, оставшемся после смерти португальского епископа. Азиатский департамент Российской империи, в ведении которого находилась Российская духовная миссия в Пекине, 7 ноября 1839 г. отправил в Пекин ответ руководителю миссии о. Аввакуму. В письме департамент написал, что дальность расстояний и отсутствие всех необходимых сведений, не позволяет полностью оценить ситуацию и дать соответствующие рекомендации. В письме была дан приказ о. Вениамину действовать только с одобрения о. Аввакума и Совета миссии.

Азиатский департамент настаивал на соблюдении двух необходимых пунктов:

«1. Не допускать никаких действий по сему делу, которые могли бы повлечь хотя малейшую неприятность со стороны Китайского правительства, или проронить наше достоинство. Это есть главное и неперменное правило, которые должно руководствовать Вас и Совет миссии при всех дальнейших Ваших суждений и мерах.

2. Поступить так, чтобы не подать ни малейшего повода впоследствии к жалобам или претензиям со стороны тех, коим означенное имущество по закону следовать будет» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 3 об.–4].

26 февраля 1840 г. Азиатский департамент направил о. Аввакуму письмо, в котором выразил крайнее недовольство сложившейся ситуацией: «Нам до крайности неприятны все эти дразги и сожалеем, что миссия со своей стороны не предотвратила их заблаговременно какими-либо мерами. Но дело уже сделано и теперь желательно, чтобы по крайней мере сие столь неприятное дело не имело никаких неприятных для нас последствий». Письмо департамента изобиловало подробностями жизни Российской Духовной миссии в Китае того времени. В частности, в ответ на просьбу о. Аввакума прислать печники, Азиатский департамент указал, что печники будут включены в состав казачьего конвоя.

11 марта 1840 г. о. Вениамин, для понимания истинной картины в отношении имущества, оставшегося после смерти португальского епископа, подал в Совет РДМ записку, в которой подробно изложил всю ситуацию. В частности, он писал о том, что практически все недвижимое имущество португальской миссии было продано еще в 1826 и 1827 гг. португальским миссионером Патером Корейро [*РГИА*, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 22], вскоре после этого вместе с деньгами уехавшим в Европу. Оставшееся было продано самим епископом Перейрой в 1832 г. в княжеский дом Вэй-Бэйлы. Несмотря на то, что с разрешения китайского правительства епископ Перейра назначил о. Вениамина своим душеприказчиком, сделано это было с целью передать все деньги фактическому преемнику епископа миссионеру Иоаннесу де Франца, который прибыл в Китай в 1826 г. и тайно проживал в китайской провинции Шаньдун.

Болезнь не позволила епископу Перейре заниматься вопросами имущества. Поэтому для помощи в управлении имуществом португальской миссии епископом был приглашен эконоом из крещенных китайцев Шень-хен (в других вариантах написания – Шень-хян, имя после крещения – Бонавентуро Шень). По поручению епископа эконоом продавал вещи миссии, а также прятал их в надежные места [*РГИА*, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 23].

Таким образом, в своем обращении к Совету миссии о. Вениамин написал, что общее имущество, оставшееся после смерти португальского епископа и всех продаж, осуществленных как до смерти епископа, так и после нее, составляло:

1. Пустые строения возле бывшего португальского храма (сам храм был передан китайскому правительству).
2. Китайская карета, принадлежавшая ранее епископу.
3. 12 пустых комодов из ризницы.
4. Пять старинных паникадил.
5. Несколько книжных шкафов.
6. Два деревянных дивана.
7. Две кредитные книги на хранящиеся в двух китайских лавках деньги, чохи (чох – русское название китайской мелкой монеты цян, бронзовой, с отверстием посередине. – *Т.Ф.*), общей суммой на 5 миллионов 500 тысяч.
8. 500 лан (лан составляет примерно 31,25 г. – *Т.Ф.*) наличного серебра и около 20 лан золота.

Также в ведении РДМ осталось португальское кладбище, где и нашел упокоение среди своих соотечественников и единоверцев епископ Казтана Перейра. Азиатский департамент МИД полагал, что «правительство португальской королевы во всяком случае должно было оценить услугу, оказанную португальской церкви русской миссией, так как именно ее стараниями, оставшаяся без всякого призора португальская собственность спасена от расхищения, а кладбище, на коем покоились останки (в оригинальном архивном документе написано и зачеркнуто слово “подвижников”. – *Т.Ф.*) усопших миссионеров, от поругания язычников» [*РГИА*, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 21].

26 июля 1840 г. португальские миссионеры Иахим Иосиф Леито, Николай Родригес-Перейра де Боржа, Иахим-Альфонс Гонзалвез, Иосиф-Иакам Перейра Миранда и Доминик Иосиф Генрик из коллегии Святого Иосифа в Макао, где находилась главная резиденция португальских миссионеров-иезуитов, направили в Пекин письмо с благодарностями о. Аввакуму. Миссионеры выражали признательность за сохранение имущества португальской церкви. В письме подтверждалось получение денег через викария покойного епископа Б. Шеня в размере 2.686.000 малых чохов, миссионеры выражали надежду, что и остальные деньги также будут переданы в Макао, в коллегию Святого Иосифа [Морачев, 1911, с. 21].

Полуостров Макао и острова Тайпа и Колоане находились под управлением португальского губернатора и были подчинены Португалии, хотя правительство материкового Китая

оспаривало это. Губернатор Макао, опасаясь разрушить и без того напряженные отношения с Китаем, отказывался вмешиваться в дела, касающиеся имущества, оставшегося после смерти португальского епископа, поэтому все решения по этому делу принимались на более низком уровне, через священников-миссионеров.

В качестве выражения своей благодарности вышеперечисленные миссионеры, после окончательной передачи им всех денег, вырученных за продажу имущества, собирались через министерство заморских дел донести до сведения португальской королевы информацию о благородном поступке православных священников, сохранивших собственность португальской миссии. По их мнению, португальская королева «не упустит случая принести должную благодарность Российскому императору за столь важные услуги португальской короне, оказанные одному из его поданных» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 35об.].

Необходимо отметить, что ситуация с имуществом, оставшимся после смерти португальского епископа, проходила на фоне обострившегося конфликта между Англией и Китаем, вступившем в апреле 1840 г. в фазу войны, позднее получившей название Первой Опиумной войны (1840–1842 гг.). В августе 1840 г. англичане перекрыли уже подходы к Тяньцзиню, находившемуся в 67 км от столицы империи – Пекина, вынудив Китай пойти на переговоры.

26 августа 1840 г. Азиатский департамент отправил о. Аввакуму очередное письмо, в котором вновь было высказано сожаление о том, что РДМ взяла на себя труд распоряжаться имуществом португальской миссии: «Крайне прискорбно нам было видеть, что Вы приняли на себя действия по такому предмету, который до миссии и до лиц, оную составляющих, во-все не должен бы касаться и который кроме хлопот и неприятностей ничего другого для нас не представляет. Какие бы не были Ваши побуждения, но Вам не следовало брать на себя подобных обязанностей, не имея на то разрешение от высшего начальства» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 5]. В письме был четко указан необходимый перечень мер, который мог бы хоть как-нибудь обезопасить миссию от подозрений со стороны китайского правительства.

Прежде всего, должна была быть составлена подробнейшая опись всего движимого и недвижимого имущества, оставшегося в португальской миссии. Все средства, как уже имеющиеся по счетам португальской миссии, так и в дальнейшем полученные от продажи должны быть вынесены в особый счет и хранится отдельно в кассе миссии [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 6об.–7].

В этот же день о. Аввакум переслал в Азиатский департамент полный расчет суммы проданного имущества:

«1. Передано серебром 2640 лян

Частично передано, частично израсходовано 3042520 малых чохов.

2. Наличные серебром 2045 лян 4 чоха

Золотом 51 лян 1 чох

(куплено по 16 лян серебра за лян золота)

Чохами 3687272 м.ч.

3. Состоит в недоимках за проданное имущество чохами 4787420 м.ч.

4. Состоит в недоимках на лавках, в которые еще при жизни епископа, были посланы чохи для хранения.

На одной лавке 2700000 м.ч.

На другой 120000 м.ч.» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 28].

О. Аввакум и совет миссии были поставлены перед выбором: продать оставшиеся здания и отправить деньги в Португалию, чтобы уже там они были переданы в миссию или же отправить все деньги в Макао, где находилась главная резиденция португальских миссионеров в Китае.

В это время в Китае набирала обороты компания, направленная против католических миссионеров. Так, например, в августе 1840 г. бывший викарий португальского храма в Пекине и личный помощник епископа Перейры, Шень-хен, живший в городе Бао-дин-фу¹, был арестован и, как христианин, был отправлен в ссылку.

После того как Шень-хен был отправлен в ссылку, о. Вениамин более подробно осмотрел все здания, расположенные на кладбище португальской миссии, и обнаружил запертую комнату, в которой при жизни португальского епископа прятались тайно проживающие в Китае католические священники. Там же был найден ящик с церковной утварью и несколько шкафов [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 29об.].

В конце 1840 г. из Азиатского департамента пришло письмо, в котором предлагалось окончательное решение данного вопроса. Все оставшееся имущество португальской миссии было решено продать, а деньги хранить в РДМ до последующих распоряжений [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 29об.]. Деревянную ризницу португальского храма следовало сжечь, как поступали со всеми старыми церковными вещами [Liu, 2016, p. 74].

Огород, ранее принадлежавший португальской миссии, должен быть отдан в наем, а доходы с него следовало пустить на поддержание порядка на португальском кладбище. При этом была сделана приписка: «Заведывание кладбищем не может подвергнуть миссию ни малейшей неприятности со стороны китайского правительства; неприятность и даже опасность могла бы быть только в одном случае – если бы на кладбище давалось убежище тайно проживающим в Китае христианам, как это водилось при покойном епископе; но со стороны начальника новой миссии приняты все меры к тому, чтобы впредь всего не было» [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 448, л. 34об.].

Найденные серебряные церковные сосуды было решено не переплавлять в слитки (это никогда не поздно сделать), а хранить при миссии и при необходимости отправить в Португалию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало XIX в. – время серьезных испытаний для Российской Духовной миссии в Китае. Настороженное отношение китайского правительства к христианским и, прежде всего католическим, миссиям достигло своего пика в начале XIX в., когда все миссии были упразднены, а присутствие миссионеров в Китае запрещено. Этой участи избежала только Российская Духовная миссия, которой было разрешено остаться в Китае. Частично это объяснялось тем, что миссия не вела активной проповеди христианства среди китайцев и не вмешивалась в дела Китайского государства, а также тем, что она духовно окормляла проживающих в Китае албазинцев (потомков русских казаков), ставших китайскими подданными. Помимо этого, в 30-е гг. XIX в. нарастает напряжение между Китаем и Англией. Англия хотела получить возможность торговать в Китае, а Китай тщательно оберегал свою территорию от проникновения иностранцев. Напряжение между Китаем и Англией прорвалось в 1840 г. в виде так называемой Первой Опиумной войны (1840–1842 гг.). Именно в этот непростой период РДМ пришлось решать вопрос с наследством португальской миссии, оставшемся после смерти последнего португальского епископа, последовавшей в 1838 г. Между РДМ и Азиатским департаментом МИД разгорелась жаркая переписка. Необходимо подчеркнуть, что Азиатский департамент постоянно напоминал РДМ о необходимости соблюдения осторожности, не из-за трусости и перестраховки, а из-за понимания, насколько это важно – сохранить для России возможность присутствия в Дальневосточном регионе. Любое неосторожное действие или слово могло бы привести к

¹ Современный город Баодин, расположен в 140 км от Пекина.

закрытию Российской Духовной миссии. Потеря миссии в Китае означала бы для России потерю торгового, дипломатического и военного представительства на данной территории, а также стало бы сильным ударом по престижу страны. Данная политика показала свою эффективность, позволив РДМ существовать в Китае, в отличие от католических миссионеров. Но даже в такой ситуации войны, недоверия со стороны китайского правительства, вынужденной необходимости соблюдать осторожность, РДМ стремилась найти решение сложного вопроса и помочь другим европейским миссиям.

Такая взвешенная политика, которой придерживались большинство руководителей миссии, а также официальные учреждения Российской империи, стремление «держаться подальше» от необдуманного вмешательства во внутреннюю и внешнюю политику суверенной страны способствовала сохранению и упрочнению позиций Российской Духовной миссии в Китае и ее дальнейшей работе на благо России.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

РГИА – Российский государственный исторический архив [RGIA – Russian State Historical Archive].

РНБ ОР – Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. [RNB OR – the National Library of Russia. The Manuscripts Department]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Архимандрит Аввакум (Честной) – миссионер, дипломат, востоковед. *Альфа и Омега*. № 34, 35. 2002, 2003 [Archimandrite Avvakum (Chestnoj) – a Missionary, Diplomat and Orientalist. *Alfa and Omega*. No. 34, 35. 2002, 2003 (in Russian)] <https://www.pravmir.ru/arhimandrit-avvakum-chestnoy-missioner-diplomat-vostokoved/> (accessed: 14.11.2020).

Дацышен В.Г. *Христианство в Китае: история и современность*. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007 [Datsyshen V. *Christianity in China: History and Modernity*. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, 2007 (in Russian)].

Лапин П.А. Начальник Одиннадцатой Российской духовной миссии в Пекине о. Вениамин (Морачевич) как преподаватель школы русского языка при Дворцовой канцелярии (1825–1840). *Общество и государство в Китае*. 2018. Т. 48. № 2. С. 866–874 [Lapin P.A. The Head of the Eleventh Russian Orthodox mission in Beijing, father Veniamin (Morachevich) as a Teacher of the Russian Language School at the Palace Chancery (1825–1840). *Society and State in China*. 2018. Vol. 48. No. 2. Pp. 866–874 (in Russian)].

Лю Ж. Изыскания о каталоге книг библиотеки Северного собора (Бэйтан) из собрания архива Министерства иностранных дел РФ. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2019. Т. 11. Вып. 2. С. 140–151 [Lju Zh. Research about the Library of the Northern Cathedral (Beitan)'s Catalog of Books from the Collection of the Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2019. Vol. 11. Issue 2. Pp. 140–151 (in Russian)].

Мароши В.В. Записки ... «О. Иакинфа Бичурина и Е.Ф. Тимковского как первые травелоги русских путешественников Монголии». *Русский травелог XVIII–XX вв.* Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2015. С. 48–70 [Maroshi V.V. Notes of... “F. Iakinf Bichurin and E.F. Timkovsky as the First Travelogues of Russian Travellers in Mongolia”. *Russian Travelogue of the 18th–20th Centuries*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2015. Pp. 48–70 (in Russian)].

Морачев В. Записка о европейских миссиях в Китае. *Китайский благовестник*. № 8. 1911. С. 18–24 [Morachev V. Note about the European Missions in China. *Chinese Evangelist*. 1911. No. 8. Pp. 18–24 (in Russian)].

РГИА. Ф. 733. Оп. 12. 1839–1840 гг. Д. 517 [RGIA. Fund 733. Inv. 12. 1839–1840. Case 517 (in Russian)].

РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 7–9 [RGIA. Fund 733. Inv. 95. Case 7–9 (in Russian)].

РГИА. Ф. 777. Оп. 1 Д. 1531 [RGIA. Fund 777. Inv. 1. Case 1531 (in Russian)].

РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 448 [RGIA. Fund 796. Inv. 448. Case 448 (in Russian)].

РНБ ОР. Ф. 1457. Д. 31 [RNB OR. Fund 1457. Case 31 (in Russian)].

РНБ ОР. Ф. 1457. Д. 34 [RNB OR. Fund 1457. Case 34 (in Russian)].

РНБ ОР. Ф. 1457 Д. 52 [RNB OR. Fund 1457. Case 52 (in Russian)].

РНБ ОР. Ф. 1457. Д. 99 [RNB OR. Fund 1457. Case 99 (in Russian)].

РНБ ОР. Ф. 1457. Д. 228 [RNB OR. Fund 1457. Case 228 (in Russian)].

Тимковский Е.Ф. *Путешествие в Китай через Монголию в 1820–1821 гг.* СПб.: Тип. Медицинского департамента МВД, 1824 [Timkovsky E.F. *Journey to China through Mongolia in 1820–1821*. Saint Petersburg: Tipografiia Medicinskogo departamenta MVD, 1824 (in Russian)].

Elman Benjamin A. *On Their Own Terms: Science in China, 1550–1900*. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, and London, England, 2005.

Liu Ruomei. Legacy of Catholic Mission in China and Russian Orthodox Missions in Beijing in 19th Century. *Revista Oriente*. 2016. No. 24. Pp. 62–79.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ФЕКЛОВА Татьяна Юрьевна –
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник сектора истории Академии
наук, Санкт-Петербургский филиал Института
истории естествознания и техники РАН,
Санкт-Петербург, Россия.

Tatiana Yu. FEKLOVA, PhD (History),
Senior Research Fellow of the Department
of the History of the Russian Academy
of Sciences, Saint Petersburg Branch
of the Institute for the History of Science
and Technology of the RAS, Saint Petersburg,
Russia.